

САВОСТЬЯНОВА Е.

ЖИТЬ НА ЛЕТУ

Его ослепила война, но вернула к жизни любовь.

Александр Терехов сохранил в себе силы жить для других...

«Птицы умирают на лету, и я забываю им. Мы умираем, лежа в постели. Я согласен поменяться ролями и умереть на лету». Это слова из страшной тетради. Жена, сидя у изголовья, записывала все, что он говорил. В течение нескольких лет. Боясь, что каждая запись может стать последней.

ЭТИМ ЖЕ аккуратным, чуть дрожащим почерком было написано письмо, пришедшее в редакцию в склеенном из тетрадных листочков конверте. Римма Исааковна Терехова рассказывала о своем муже — незрячем поэте, бывшем учителе. «А самое главное, — писала она, — Саша давно владел умением помогать людям и лишь недавно решился открыть это».

И вот я в квартире Тереховых на окраине небольшого рабочего городка. Оглядываюсь — и никак не могу понять, отчего так уютна эта непритязательно обставленная комната. Необычно яркий свет делает невидимым заснеженное поле, простирающееся до самого горизонта. В оконном стекле отражается лампочка без абажура, старомодная фотография молодой четы Тереховых на стене.

— Как вы познакомились?
Римма Исааковна с минуту молчит и наконец тихо произносит:

— Нас судьба свела. И снова надолго замолкает. Чувствуется за этим молчанием нечто такое, чего не дай бог никому из нас познать. Как сводит судьба вместе два несчастья, две жизни, доведя их сначала до предела боли и отчаяния, а затем бросив навстречу друг другу. Обрекая на невозможность существования поодиночке, на растворение страданий одного в другом, на горькое счастье.

— Мы в доме инвалидов познакомились. Я попала туда из детского дома, а Александр Сергеевич только-только поднялся после паралича. Он меня целый год после свадьбы лечил от припадков эпилепсии. Но даже я об этом не знала. Просто все прошло. Да если б и сказал, не поверила. Тогда ведь и слов таких не слышали: биопол, экстрасенс. Колдовство какое-то!

Пока мы беседуем, Александр Сергеевич ведет прием больных. Люди идут и идут. Первый звонок в квартиру раздаётся здесь в семь утра, и дверь не запирается уже до позднего вечера. Терехов не отпускает больного, пока тот не почувствует себя лучше. Сеанс длится около часа.

На некоторых мне разрешили присутствовать. Один раз я даже ассистировала. Описывала, как реагируют на манипуляции руки экстрасенса над головой глухонемой девочки ее зрачки: сужаются, расширяются. Ведь она не могла рассказать, что чувствует, а целитель — видеть ее.

Бонит мужчина, жалуетесь на нелады с женой. Разговор долгий, непростой. Положив трубку, Терехов улыбается:

— Видите, приходится выступать и в качестве психолога. Муж мечтает о ребенке, а жена боится. Вбила себе в голову, что непременно родится урод. Ну ничего, скоро все у них будет хорошо.

— Откуда вы знаете?
— Знаю. Что ж, в чудеса можно верить или не верить. Можно возмущаться тем, что непонятно, а можно попытаться понять.

Александр Сергеевич полностью учился таинствам экстрасенсорики еще в начале пятидесятых годов у профессора-невропатолога О. Быстрицкого, случайно обнаружившего у молодого человека сильное биополе. Даже экзамены сдавал по нескольким дисциплинам: биоэнергетике, оптике, биохимии, космологии.

Но не это главное. Есть такое понятие: низкий болевой порог. Это — способность воспринимать чужую боль, как свою. И лишь тому, кто страдал сам, дано по-настоящему узнать, что это такое...

С трудом отвлекая Терехова от разговора о его пациентах, об их хождениях по мукам официального здравоохранения, семейных неурядицах, болях и страхах. Прощу рассказать о себе. Жизнь его столь невероятна, что, слушая, не перестаешь удивляться: где же вездесущий и всеобъемлющий закон сохранения энергии, гармонии и равновесия? Что противостоит веренице испытаний и трагедий, нелепых случайностей, выпадающих на долю одного человека, почему-то избранного судьбой?..

...Когда наступил май, солнце нагрело шершавый асфальт и в чужом московском воздухе появились запахи весны, мальчишка принялся реветь и проситьсь домой. Всю холодную зиму он еще как-то крепился, сидя взаперти в неуютном общежитии. Дядя уходил на рабо-

ту, а за ним неусыпно следил строгий комендант. Но весной... Весной так хочется соскочить с крыльца и бежать, бежать, ощущая босыми ногами землю. Бежать к родной речке Шепотухе, к тайственному Кискину лесу, где некогда жила старуха-ведьма, разводившая несметное количество кошек... И Саша ревел, пока дядино терпение не лопнуло и не отправили его обратно, в деревню.

А через месяц началась война. Отец ушел в лес, стал командиром партизанского отряда. Мать, посевшая за несколько дней от чувства постоянной тревоги, долго пыталась скрыть это от сына, укутывая голову большим клетчатым платком.

Стылым декабрьским утром в хату к Тереховым ворвались гестаповцы. «Где партизаны? Говори!» — грубый крик заполнял все, сковывал ужасом. На глазах у мальчонку пытались избивали. Потом принялись за него. Ломая кости, швыряли от стены к стене. Отрубили руку и ослепили его, но прежде Саша увидел, как убили маму...

Что было дальше, он узнает лишь через несколько лет. Как подобрали его в хате добрые люди, чудом распознав, что живой. Как переправляли из города в город, из госпиталя в госпиталь. Как возмущился усталый хирург в елецкой больнице: «Что вы мне мертвых мальчишек подсовываете!» Как бросили в морг, и когда принесли очередной труп, мальчик шевельнулся и тихо застонал. К счастью, заметили...

Собирали Сашу Терехова буквально из кусочков. Подскакивали все тело гипсовым корсетом медленно срасталось семидесять два перелома. До сентября сорок четвертого он практически все время находился без сознания. Лишь однажды очнулся, услышав рядом женский плач. В воспаленном мозгу пульсировали строчки. Его строчки. Стихи.

*Не на лавке в бабушкиной хате,
Не на теплой печке у стены,
А в холодной девичьей палате
Умираю, бедный,
от войны.*

В пришедшем в редакцию самодельном конверте, кроме письма, лежала небольшая книжечка стихов, выпущенная Приокским книжным издательством — А. Терехов, «Солнечная ночь».

Эти стихи трудно читать. Порой рифмы и созвучия кажутся невыверенными, а метафоры и сравнения — странными. Например, дождь состоит из блестящих птичьих зрачков, и имя ему — «глазотворенье». Но здесь просто другие законы. Эти стихи не для чтения глазами, ведь они никогда не были написаны автором на бумаге. Не сияющий торжеством красок и форм мир приходит к люту, а сам он, вслушиваясь во всееленскую гармонию, ощущая ее, творит мир в себе. И капли дождя, ударившие по ладони, мгновенно-круглые, словно неувливаемый взгляд нежной маленькой птички.

— Как-то при мне одного довольно известного незрячего поэта спросили, счастливый ли он человек, — рассказывает Александр Сергеевич. — И он ответил: «Да». Челуخال Слепой не может быть счастливым. Мужественным быть обязан, ныть не имеет права. Но счастливым не станет никогда.

«Плакать легче, чем смеяться, — записывала жена, сидя у постели больного мужа. — У слепых нет глаз для слез».

Себя он мужественным человеком не считает. Для Терехова естественно, что выпавшие на его долю несчастья уравниваются не счастьем, дарованным судьбой, а созданными им самим добром и красотой. И он пишет стихи, исцеляет людей. И судьбой его с детских лет стала непрерывная борьба. С собственным отчаянием и неверием окружающих, с адскими болями и невозможностью быть, как все.

В сорок шестом году, выписавшись из последнего госпиталя, тринадцатилетний Саша Терехов становится второклассником школы-интерната для слепых детей. Учился яростно, азартно, чуткими пальцами выуживая науку из выпуклых брайлевских точек. Среднюю школу окончил за три года, прыгая через класс. Затем — сразу два института: Ленинградский педагогический имени Герцена и — заочно — Саратовский юридический.

Работал... следователем в районной прокуратуре. На-

верное, это был единственный в мире слепой следователь. Но, тщетно пытаясь защитить невинного, разругался с начальством. Пришлось уйти.

Стал преподавать в школе истории. Здесь Терехова подстерегла новая беда. Преодолевший столько, не смог вынести мелкого, подленького хамства. Сказалось сумасшедшее напряжение последних лет. Вызвал как-то к доске ученика, а тот в ответ: «Сам иди». И словно взорвалось что-то...

В сознание пришел в Москве, в больнице. Полный паралич. Ничего не чувствовал, не мог есть, говорить.

Жил только мозг, жила душа, протестующая против беспомощности тела. Жили память и надежда, одухотворяющие беспросветную мглу. И звучали в этой мгле стихи:

*В моем окне черемухи
цвели,
Когда мне смерть
навязывала сделки.
А вечерами сказки всей
земли
К моей постели шли
на посиделки.*

После больницы попал в Большевикский дом инвалидов. И нашептывал бессонными ночами ехидный голосок: «Не сопротивляйся, смирись, здесь твое место».

Ну уж нет! Уже знал Александр Сергеевич о своем чудесном даре, коим наделила его судьба, отгнавшая столько. Терять было нечего, и он решил попробовать вытянуть самого себя из засасывающей трясины болезни.

И через два месяца встал на ноги.

Вскоре женился. Поселилась молодая семья в Ульяновске. Здесь родились дети. Жизнь налаживалась. Терехов становится местной знаменитостью. Его стихи охотно публикуют газеты, их читают по радио, он сам много выступает. Начинает работу над автобиографическим романом «Грибной дождь», работает по 12—14 часов в сутки.

А в семидесятом новая страшная болезнь свалила его. И снова паралич. Ужасные корчи выворачивали тело. Он переваливался через приделанные к кровати железные решетки и падал на холодный пол. Маленькая дочка Надя посоветовала маме записывать слова отца, порой непонятные, порой пугающие.

«Умереть преступнее, чем родиться. Самое главное преступление в моей жизни — это собственная смерть».

Нет, он не совершил этого преступления. Битва с болезнью была долгой, очень долгой. Лишь через двенадцать лет Александр Сергеевич научился заново ходить. По совету врачей переехали в Тульскую область, где помягче климат. На хлеб зарабатывал надомным изготовлением гвоздей. О работе по специальности не могло быть и речи. О том, чтобы лечить открыто за символическую хотя бы плату, — тоже.

Поначалу помогал родным, соседям. У кого головную боль снимет, кого избавит от душащих приступов астмы. Слухом земля полнится. И вот уже идут к Александру Сергеевичу знакомые знакомых и соседи соседей. Приезжают издалека. А на ближайшем заводе так и все стали называть «участковым врачом». Наконец-то наступили времена, когда экстрасенс вызывает у людей не намного больше удивления, чем, скажем, врач-рентгенолог. И может исцелять людей не таясь, не опасаясь прослыть знахарем и шарлатаном.

Для такого человека, как Терехов, способности экстрасенса — не дар вовсе, а крест. Визу, как к концу дня он буквально валится с ног, как забывает поесть, будучи голодным. И вертится на языке вопрос: «Ведь всем все равно помочь нельзя. Отчего не выбираете тех, кому помощь нужнее? Кто-то действительно болен, а вы тратите силы и время на вздорную девчонку, которой просто не хватает хорошего ремня!»

Но понимаю, что в этом доме принимающий человек свят, ибо Терехов, как никто другой, знает, что всякая боль болит и что не может одна боль быть сильнее другой.

«Сердца даются людям для любви, трагедия же их по назначению», — читаю в его тетради.

И снова — звонок в дверь. Хозяин идет открывать. Заботится, горит ли в прихожей свет, показывает, куда повесить одежду. Когда я вот так же вошла в эту квартиру, первое впечатление было: да он же видит, этот человек! Глаза скрыты за темными очками, но я ощущаю на себе их невыразительный взгляд...

Екатерина САВОСТЬЯНОВА.
(Нах спец. корр.).
Тульская область.